

Курзнер Павел
Яковлевич

АКТЕР ПЯТИ ИСКУССТВ

Воскр. Красная гора — 1934 — 5 марта

Разве что только в цирке Павел Яковлевич Курзнер не выступал как актер-профессионал. Но если бы в действительности произошел подобный невероятный случай, то на афише, по цирковой традиции, можно было бы смело поставить формулу:

«5 КУРЗНЕР 5»

И это была бы удивительная правда, несмотря на то, что Курзнер появился бы один, как перст. В том-то и дело, что этого актера с полным правом можно назвать актером пяти искусств, человеком, сумевшим создать себе имя на оперной и драматической сцене, в кино, на эстраде, и, наконец, в эфире, иначе говоря — в радио.

Скажем сразу — эта универсальность отнюдь не является плодом какого-либо злополучного «разбрасывания», следствием неудач или смитенных поисков «самого себя». Свообразие творческого пути и облика Курзнера как раз и состоит в том, что в каждой отрасли искусства «он уважать себя заставил», себя «нашел» и творчески полностью проявил.

Начинал он без малого тридцать лет тому назад. Выходец из интеллигенции, студент химического отделения Петербургского университета, стипендиат Консерватории, он вынужден бросить университетские занятия из-за нехватки платы. Учебу в Консерватории (у Курзнера — обоимущий бас, товарищи называют его «кандидатом в Шалапины») он долгое время сочетает с работой театрального контролера, статиста: нужно добывать средства к существованию и во что бы то ни стало учиться.

После ряда выступлений на концертной эстраде и в оперетте (1910 г.) Курзнер дебютирует на оперной сцене Народного дома, в партии **Мefистофеля** в «Фаусте». Артист создает оригинальный, по всем отзывам «не похожий на Шалапина», но резко-характерный, драматически-насыщенный образ «дукавого искусствителя», сошедшего на землю в конкретном человеческом обличье. Этот образ сразу создает Курзнеру репутацию оперного актера, умеющего органически сочетать пение с драматической игрой. Таким образом, уже в самом начале своего творческого пути Курзнер оказывается принципиальным противником оперы, как «концерта в костюмах», и становится одним из участников прогрессивного, реалистического течения на оперной сцене. Это стремление к созданию жизненных, реалистических фигур в условнейшем из искусств — опере — находит свое выражение во многих созданных Курзнером ролях.

И в опере Народного дома, и впоследствии (с 1914 г.) на сцене Мариинского театра Курзнер играет и поет **царя Бориса** и **Пимена** в «Борисе Годунове», **Ивана Хованского** в «Хованщине», **Дон-Базиллио** в «Севильском цирюльнике», **Странника** в «Рогведе», **Фарлафа** в «Руслане», **Неизвестного** в «Аскольдовой могиле» и т. д. и т. д. В работе над «Каменным гостем» (партия Лепорелло) Курзнер тесно сотрудничает с **Мейерхольдом** и **Головиным**, получая у этих мастеров существенный урок театрального мастерства и культуры.

Одновременно с интенсивной работой в опере, Курзнер широко развешивает свою концертную деятельность. Он ведет энергичную пропаганду русской вокальной музыки, участвует вместе с **А. Александровичем** в громадном количестве общедоступных концертов для учащейся молодежи, часто выступает в районах перед пролетарской аудиторией.

Работа в Мариинском театре продолжается непрерывно до 1922 года. Тут начинаются нелады с голосом, болезнь прерывает певческую работу, и Курзнер без всякого перерыва, начинает свои выступления в драме — в театре «Комедия» и в «Театре строителей». Западно-европейский комедийный репертуар «Комедии» не дает артисту достаточно творческого материала, но и тут он стремится всеми средствами своей богатой техники оживить, реалистически осмыслить условных персонажей «салонной пьесы». В спектаклях «Театра строителей» Курзнеру приходится играть и **Городничего** в «Ревизоре», и **Сатина** в «На дне» — роли, не-

сравненно ближе лежащие к его творческой индивидуальности. Но действительно во всех ролях драматического репертуара Курзнеру удается в той или иной мере проявить характерные черты своего дарования. Он темпераментен, мужествен, искренен. Школа оперного певца-актера помогает ему находить отчетливый ритмически и музыкальный рисунок для каждого образа.

Наряду с работой в драме, Курзнер, с характерной для него творческой насыщенностью, начинает работать в кино, снимается в ряде характерных ролей в «Песне тундры», «Хабу», в «Человеке за бортом» и др. картинах. Здесь опять-таки находит свое приложение богатая драматическая выразительность артиста, способность его и без опоры на голосовые средства создавать убедительные, цельные образы.

Лет пять тому назад Курзнер пробует себя перед микрофоном и становится постоянным работником художественного радиовещания. Он принимает участие в ряде самых разнообразных радиопоставок. Здесь снова входят в свои права чисто речевые возможности артиста, и радиослушатели узнают этот мужественный, свободно льющийся, всегда выразительный и доходчивый голос в «Позме о топоре», в композиции «Хорошо» (по Маяковскому), в радиопьесе «Кузнецы Ванжа» и в бесконечной веренице литературных и театральных радиопередач.

Еще через два-три года Курзнер появляется на эстрадных площадках Ленинграда с героическими монологами, фельетонами, сделанными на материале советских авторов («Яюбинцы», Мамина, «Романтика» Зельцера и др.), и, наконец, с рассказами **Тевелева** «Нам жить надо» и «Любовь». На эстраде, в основных своих работах, Курзнер также утверждает мужественные героические образы нашего недавнего боевого прошлого и нашей сегодняшней действительности.

Неукротимая энергия, жажда работы все в новых и новых областях искусства вместе с обильным «багажом» общественных нагрузок (производствен-

Арт. Курзнер

ные совещания, месткомовская работа и т. д.) сочетаются у Курзнера с огромной требовательностью к себе, с подлинной, высоко ответственной борьбой за качество в каждой отрасли художественной работы.

Творческий путь Курзнера не свободен от отдельных неудач, художественных недоделок, от неизбежного «шлака». Неверно думать, будто Курзнер всюду без труда и без ошибок добивался своих успехов. Но величайшая разносторонность артиста, так широко проявленная и проявляемая им теперь, накануне **30-летнего юбилея**, его плодотворная борьба за реалистический, жизненно-правдивый, осознанный в своей идейной направленности, художественный образ делают П. Я. Курзнера одним из виднейших и ценнейших борцов нашего художественного фронта.

Н. ВЕРХОВСКИЙ